

тованного весьма нетривиально: Хлестаков П. Поздеева не нахал, не позер и не пустышка. Здесь вновь — жаждущая жизни, бурлящая, жизнерадостная молодость, когда берешь от жизни все, не задумываясь о последствиях. От этого Хлестакова исходит энергия добряка, даже не повесы. И он не заслуживает не то что смерти, даже порицания: только теплой улыбки «танцуй, пока молодой, мальчик»... В этом смысле расправа режиссера над двумя безусловно расположившимися к себе персонажами — это не только «твист», но и огорчение. Учитывая всестороннюю приятность Городничего, ставшего убийцей, — еще большее огорчение. И, как итог, — желание ду-

мать о том, что произошло и почему.

После «хрестоматийного» «Ревизора» вряд ли нас посетят такие думы. После фантазии на тему «Ревизора» Григория Лифанова именно что произнесешь про себя: «Э!..», и «пролонгируешь» спектакль еще не на один день. И даже, скорее всего, вернешься, чтобы посмотреть его еще раз. Этот, несмотря на серьезные правки авторского текста, истинно «гоголевский» по атмосфере, удивительный, цветной, странный и страшный сон, который доподлинно удалось создать постановочной группе и артистам Екатеринбургского ТЮЗа.

Анна ХОРОШКО

КАЗАНЬ. Последний день

Прошедший год оказался очень важным и памятным для любителей поэзии. Особенно для почитателей творчества **Марины Ивановны Цветаевой**, которой в октябре 2017 года отметили **125 лет** со дня рождения.

В **Национальном музее Республики Татарстан** открылась первая выставка, посвященная жизни и творчеству Марины Цветаевой. Над созданием экспозиции работали специалисты **Национального музея, Елабужского государственного музея-заповедника и Музея имени Горького**. Память о ней, запечатленная в картинах и скульптурах. Работы невероятно эмоциональные, выполненные в разных техниках. Книжки и воспоминания, прижизненные издания стихов Цветаевой и ее современников — поэтов. Знаменитая записная книжка — одна из немногих оставшихся подлинных вещей. Выставка оказалась замечательной возможностью еще раз прикос-

нуться к миру Марины Цветаевой и ее семьи.

А на малой сцене **Казанского Большого драматического театра им. В.И. Качалова** идет моноспектакль «**Последний день**». Спектакль — признание, спектакль — исповедь. Исповедь поэта, человека, актрисы, играющей эту роль. Рассказ о творчестве, жизни, судьбе. Его автор и исполнительница — народная артистка России и Татарстана **Светлана Романова**. Своим спектаклем она рассказала, поведала, прокричала зрителям о том, что явилась когда-то в этот мир и жила в нем поэт Марина Ивановна Цветаева. Жила ярко, стремительно и так же внезапно ушла, оставив нам, читателям, целую россыпь драгоценных своих строк... Мне довелось увидеть эту постановку дважды. И были это два совершенно разных взгляда и ощущения.

Небольшой зрительный зал. Из декораций — овальный стол, несколько стульев,

С. Романова в моноспектакле «Последний день»

аккуратная стопка книг, горшок с цветком, часы, которые стоят. Чемоданы. Вот последнее пристанище, последний угол Марины. Последний день, час, миг...

И действие закружило в воспоминаниях. И вся ее жизнь как будто вихрем пронеслась перед глазами зрителей. Счастливое детство, снег, музыка. Мама и ее ранняя смерть. Встреча с будущим мужем Сергеем Эфроном, чумной и голодный 1919-й. Эмиграция и бесконечная, страшная тоска по родине. *«Русской ржи от меня поклон, ниве, где баба застится»...*

Наконец, возвращение в Россию, когда уже многое пережито. Когда в душе остались только страх, ужас, одиночество. Война и маленький домик в далекой Елабуге. И воскресный солнечный день, и петля в сенцах, словно жгучий узел всех ее страшных испытаний и страданий. Ее жизнь, словно яркая вспышка, проходит в спектакле через призму стихов, многочисленных писем и воспоминаний, про-

читанных актрисой. И снова наступает темнота и пустота...

Черный цвет преобладает во всем: в декорациях, костюме, вещах. Действительно, жалеешь, сочувствуешь героине, осознавая страшную безысходность, запутанность, безумные человеческие страдания. «К имени моему “Марина” — прибавьте: “мученица”», — говорила она о себе.

В какой-то момент начинает даже казаться, что на сцене сама Марина Цветаева. Через эти письма, отрывки биографии рождается ее образ. Она вспоминает о детстве (наверное, единственные светлые и радостные эпизоды), о любви и мечтах. Эти светлые и радостные мгновения сталкиваются с ужасающей и давящей действительностью, где ей как будто бы нет места.

Звонящая тишина стоит в переполненном зале на протяжении всего спектакля. Удивительное ощущение единения зрителей. Голос актрисы то спокойный

Моноспектакль «Последний день»

и тихий, то взволнованный и почти переходящий на крик. И страшно нарушить это откровение аплодисментами. Они, действительно, так ни разу и не зазвучат. Только снова и снова возникает желание кивнуть в ответ на ее вопросы, размышления, монологи. Зритель следит за каждым движением, вздохом и словом неотрывно. Все близко, на расстоянии вытянутой руки, но актриса не боится смотреть зрителям в глаза, долго и внимательно, пронизывающе, не выходя при этом ни на секунду из образа. И вновь пробуждает воспоминания о дочери Ариадне, сыне Муре, об умершей в приюте младшей дочери Ирине. О муже Сергее Эфроне: *«Они встретились – 17-летний и 18-летняя – 5 мая 1911 года на пустынном, усеянном мелкой галькой, волошинском берегу. Она собирала камешки, он стал помогать ей... Марина загадала: «Если он найдет и подарит сердолик, я выйду за него замуж»». Вышла. И выполнила*

свое обещание ползти за ним как собака. Ползла. На гибель.

Они родились в один день с разницей в один год, а погибли в один год с разницей в месяц. Пройдя вместе *«пыльные дороги, шалаши на час и звериные берлоги и старинные чертоги...»*. Как писала Марина Цветаева, они *«вечно были в плену друг у друга»*, но, что бы ни случилось, до конца оставались преданными, навсегда вместе. Актриса держит в руках тот самый маленький желтый сердолик – прямое напоминание о Сергее. Она подолгу пристально всматривается в него.

В этом спектакле каждая вещь кажется удивительно символичной. Часы, как будто отбивающие ход последнего дня. Но они неподвижно стоят, словно символ оконченной жизни, судьбы. Стол, о котором Марина так мечтала, посвятив ему стихи, но, к сожалению, не имела даже своего собственного. А этот стол чужой, она не пишет за ним стихов, он так

и останется пустым, покрытым вязаной скатертью. Стулья, на которые актриса присядет всего несколько раз за весь спектакль, как будто передохнет немного и тут же снова погрузится в бесконечные метания, воспоминания и внутренние монологи.

Цветаева все время спешит, действие разворачивается стремительно. Актриса переносит с места на место вещи, вспоминает вереницы людей. Как будто пытаются на что-то решиться. Как будто хочет на ходу прыгнуть в последний поезд и вырваться из этого страшного одиночества. Но: «*Поезд трогается, – минутное облегчение, – слава тебе, Господи! – но вдруг узнаешь и со смертным ужасом осознаешь, что в роковой суете попал – впрочем, вместе со многими! – не в тот поезд, что твой состав ушел с другого пути, что обратного хода нет – рельсы разобраны.*».

Комок в горле от осознания всего, что происходит с Мариной. В какой-то момент хочется встать и прекратить все ее мучения, бесконечные метания и попытки спасти себя, свою семью. Наконец, принимает для себя это страшное решение.

Ход спектакля изменялся, углублялся, обогащался. В самом начале театральной жизни моноспектакля на сцене даже сама главная героиня была несколько иной. Задумчивая, неторопливая и тихая, актриса выходила в очках и с листами бумаги. А в этих листочках — отрывки воспоминаний, писем. Она казалась далекой, очень строгой, непонятной. Теперь же на сцене героиня со своим характером и сложившимся образом. Пройдя через все трудности и испытания, она обращается с негодованием ко всем, кто оказался виноват в том, что ее судьба сложилась так трагично.

Иногда может меняться и финал. Когда я смотрела постановку в первый раз, актриса закончила свой последний монолог и ушла, закрыв за собой дверь. Через какое-то время, посмотрев «Последний день» снова, я увидела совсем иное

решение. Светлана Романова не просто молча вышла на поклон, она обратилась к зрителю и предложила вместе вслух почитать стихи Марины Цветаевой. И люди откликнулись! И еще какое-то время в зале звучали знакомые строки: «*Моим стихам, написанным так рано, что и не знала я, что я – поэт...*».

Этот жест, сиюминутный, непредсказуемый, вероятно, зависит от того, кто пришел в этот вечер на спектакль, с какими ожиданиями, что пережил вместе с актрисой. И возникает такой порыв выйти к зрителю, наверное, не всегда. Но с чем бы это ни было связано, такой финал объединил всех пришедших в едином порыве узнать о поэте, вспомнить и запомнить ее.

Музыка, которая звучит в этом спектакле единой связующей нитью, не меняется по ходу действия, а только замолкает иногда, чтобы потом зазвучать снова. Это удивительно красивая и психологически сложная композиция **Альфреда Шнитке**. Она создает особый эмоциональный фон и строй всего спектакля. Колокольчики, звучащие, словно осколки разбитой жизни Марины Цветаевой. В этой мелодии есть как спокойные и ровные ноты, так и безумно тревожные, настоящие эмоциональные музыкальные взрывы.

Спустя какое-то время возникло желание поделиться увиденным с другими. Поэтому я сделала со школьниками литературно-музыкальную гостиную — свой маленький рассказ о судьбе и творчестве поэта. Ребята читали ее стихи, отрывки из воспоминаний. Они запомнили этот вечер, и так хочется верить, что еще не один раз кто-то из них откроет томик стихов Марины Цветаевой и, может быть, посмотрит спектакль «Последний день».

За эту работу Светлана Романова удостоена **литературной премии имени Марины Цветаевой**.

Елена ВОЛКОВА

Фото из архива БДТ им. В. И. Качалова